

Антоневич Александр Васильевич
(Санкт-Петербург)

ПРАВОСЛАВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Более полувека назад протопресвитер Василий Зеньковский и архим. Киприан (Керн) в своих работах показали необходимость пересмотра светской антропологии, психологии и др. наук в свете Православия. Но до сего времени их бесценное для нашей современности наследие так и остается не востребованным. В статье дается краткая аргументация актуальности поставленных ими задач и путей их разрешения.

Ключевые слова. Православная антропология, Русское Зарубежье, эмиграция, современность, секулярная наука, космология, целостное мировоззрение, прот. Василий Зеньковский, архим. Киприан (Керн).

«Блажéни изгнáнии правды ради,
Яко тех есть Царство Небесное»
(Мф. 5, 10)

«Двадцатый год — прощай, Россия.
Напряглась, и такую осталась
Тетива наших душ навсегда»
(Николай Тuroверов)

Антропологическое наследие Русского Зарубежья сделало значительный вклад в христианскую антропологию, но, к сожалению, вклад этот остается мало востребованным в России. И едва ли вы найдете десяток добротных работ по этой

теме. Впрочем, понятно почему: у нас сегодня не принято говорить о чем-либо русском. Мы, русские, сегодня иностранцы на собственной земле. Мы сегодня под идеологической оккупацией. Особенно православные христиане.

Вот именно поэтому опыт русского православного Зарубежья нам может очень быть полезен. Интересное наблюдение: плохо приживается на Руси русская зарубежная мысль, в то время как нерусская зарубежная — запросто. Есть о чем задуматься.

Представляю вам первую книгу по нашему направлению: «Православная антропология Русского Зарубежья: прот. Василий Зеньковский и архим. Киприан (Керн)» (Антоневич. 2021).

Готовится программа по изучению антропологических идей других известных представителей русской мысли Зарубежья: В. Н. Лосского, протопресв. Иоанна Мейендорфа, протопресв. Александра Шмемана, прот. Георгия Флоровского, Б. П. Вышеславцева, о. Сергия Булгакова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева и др.

Представляя направление нашего Центра, я в первую очередь хотел бы отметить, что его работа сегодня требует не столько просветительского, сколько миссионерского подхода. Да и смысл всей работы ЦХПА, думаю, заключается в том, чтобы в рамках светской организации выполнять эту задачу.

В. В. Зеньковский в своих рукописях, в предисловии к работе «Философия Православия», настойчиво подчеркивал одну и ту же мысль: «все те, для кого открылась истина и исключительная ценность Православия, должны приложить все усилия к тому, чтобы светильник, находящийся под спудом, был поставлен наверху и засиял для всех» (см.: Ермишин. 2017. С. 216). Зеньковский писал эти строки в условиях послевоенной Европы, в атмосфере нарастающего брожения. Но сегодня в России, одновременно с возрождением Церкви нарастает и брожение, причем с патогенной закваской.

Просмотрите материалы международных конференций по Русскому Зарубежью, например, в Москве в 1993 г., или в Белграде в 2013 г. — это невозможно читать! Например,

статьи Люциана Суханека (Польша), Димитрины Лесневской (Болгария) и др. в сборнике «Русское Зарубежье и славянский мир» (Белград, 2013) настолько «научны» и занудны, что после их прочтения отпадает всякое желание изучать эту тему. Они ведь изобрели еще одну науку — эмигрантологию — и тренируются в научной схоластике. И это в то время, когда человечество стоит на грани самоуничтожения. Как говорится, — «введение в слоноведение».

Но св. отцы-пустынники, жившие еще до появления европейской науки, говорили и писали простым естественным языком, подражая Христу и апостолам. А мы, православные христиане, кому подражаем? Это желание быть «современными» часто делает нас сынами «века сего». Не удивительно, что еще свт. Феофан Затворник называл таких людей «научниками».

Зеньковский в работе «Основы христианской философии» сделал попытку прояснить причину формирования секулярной, т. е. светской науки. Сегодня этот вопрос так и остается малоисследованным, насколько я знаю.

Вот выдержка из документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Хотя наука может являться одним из средств познания Бога (Рим. 1. 19–20), Православие видит в ней также естественный инструмент благоустройства земной жизни, которым нужно пользоваться весьма осмотрительно. Церковь предостерегает человека от искушения рассматривать науку как область, совершенно независимую от нравственных принципов. Современные достижения в различных областях, включая физику элементарных частиц, химию, микробиологию, свидетельствуют, что они суть меч обоюдоострый, способный не только принести человеку благо, но и отнять у него жизнь. Евангельские нормы жизни дают возможность воспитания личности, при котором она не смогла бы использовать во зло полученные знания и силы. Посему Церковь и светская наука призваны к сотрудничеству во имя спасения жизни и ее должного устройства» (Основы... 2000. С. 52). «Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда не-

обходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями» (Там же). И далее: «Научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой. Ибо, с одной стороны, в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные. С другой — религия не занимается вопросами устройства материи» (Там же).

Как же так, спросите вы, но разве религиозные люди (И. Ньютон, М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев и др.) не занимались вопросами устройства материи? Да, занимались, конечно, и, к сожалению, применяли без какого-либо пересмотра методы рационализма и механицизма науки Нового времени. Они, так же как и мы сейчас, думали, что наука — это только инструмент, которым нужно правильно пользоваться. А о вреде этого «инструмента» кто подумал?

Это только одна сторона вопроса. Есть и другая, малоизученная: св. отцы Церкви не только писали о материи, но и исследовали ее (Кирилл (Зинковский), 2014), причем с позиций строго богословских. А если и прибегали к «эллинской мудрости», то поступали с ней так, как врачи со змеями: забирали у них яд и делали из него лекарство (Григорий Палама. 1995, с. 32).

Чтобы прояснить эти вопросы, необходимо пересмотреть достижения современной науки, и в первую очередь антропологии и психологии, в свете святоотеческого наследия. Очень советую внимательно прочитать книгу прот. Василия Зеньковского «Основы христианской философии» (1997), в которой он исследует формирование секулярной науки и делает попытку построения православного видения космологии; а также работу П. П. Гайденко «Научная рациональность и философский разум» (2003). Думаю, вам станет понятно, что сегодня, как никогда, назрела необходимость переосмысления секулярной космологии в свете Православия.

Мы любим говорить о целостном подходе, но насколько мы сознаем что это значит? Современные ученые, делая выборку антропологического и психологического содержания из духовного наследия Православия, называют такой подход целостным, но разве это так? Где же связь с космологией, богословием?

Обращаются к христианской психологии и антропологии и с узко-утилитарными целями для того, чтобы быстрее разрешить насущные проблемы современности, не затрагивая духовной сферы, т. е. путем создания очередных технологий на основе секулярных наук. При таком одностороннем, внешнем подходе ситуация только усугубляется.

Зеньковский же пишет о преображении человека и культуры **изнутри**, через Церковь, а Киприан (Керн) разъясняет значение литургии в этом преображении.

В упомянутых выше рукописях Зеньковский свидетельствовал о глубокой внутренней неправде народов Европы, о внутренних противоречиях, несмотря на внешний лоск. Причину этой неправды он видел в духе мещанства и пошлости, вызванном секуляризацией культуры.

Религиозный смысл пошлости и мещанства Зеньковский рассматривает в свете философии Православия, т. е. в свете православного мировоззрения, куда входят антропология, богословие и космология. Без такого целостного мировоззренческого подхода к человеку, который разрабатывал Зеньковский, мы вряд ли сможем разрешить проблемы современности. Но он, к сожалению, многое не успел завершить. Например, третий том «Основ христианской философии», который он так и не успел написать, предполагалось посвятить антропологии.

Сегодня, не желая потрудиться, люди ищут готового ответа в «сетях». На то они и сети, чтобы в них запутаться. Есть небольшая работа свт. Игнатия (Брянчанинова) о сетях дьявола. Очень советую (Игнатий (Брянчанинов). 2001).

А теперь приведу некоторые выдержки по нашей теме.

Архим. Киприан (Керн) в своей докторской диссертации «Антропология св. Григория Паламы» писал: «Патриарх

Фотий прямо сказал, что в человеке заложена “загадка богословия”. Человек обязан богословствовать. Такое понимание образа Божия в нас является основанием особого, только христианину свойственного мировоззрения» (Киприан (Керн). 2007. С. 19). И еще: «Церковь рассматривала вселенную, тварь, человека и ангелов как одно громадное органическое целое... В частности, человек рассматривался всегда как тварное существо, входящее и органически связанное со всем мирозданием» (Там же. С. 19).

Хочу подчеркнуть: «органически связанное со всем мирозданием». Сегодня мы видим, что антропологи зацикливаются на антропологии, психологи — на психологии, философы растворяются в общем (человек вообще). Пора избавляться от этих крайностей. Зеньковский еще в 1934 г. в работе «Проблемы воспитания...» писал об универсализме и индивидуализме в педагогике. Чему же мы научились за это время? При целостном подходе к человеку все важно. Вспомните, как популярна была серия изданий «Избранное»? С этого начинали. А в наше время закончили «Войной и миром» на двух страничках.

Архим. Киприан (Керн): «Богословски обоснованная антропология не может ставить тему о человеке отдельно от всего учения о мире и творении. Теоретическое выделение человека из общей системы мироздания в корне неверно, потому что человек включен Самим Творцом в этот план мироздания и с ним *органически* связан. По словам святых отцов (в частности Немезия Эмесского), человек является *связкой мира*» (2007. С. 19). Добавлю к этому, что на деле человек оказался не связкой, а разделителем, разрушителем целого, начиная с Адама, и до сегодняшних дней: если это душа — через психоанализ, если тело — через анатомирование, если природный продукт — через денатурирование и т. д. Но есть и другая крайность логического подхода — соединение недолжного: пантеизм, «всеединство», психосинтез, — вплоть до синтетических продуктов. Зеньковский писал о психологах, что они «продукты психического анализа смешивают здесь с продуктами химического анализа» (1911. С. 376).

Еще один момент. Согласно архим. Киприану (Керну) Православию свойственен «радостный космизм», причем он является «достоянием истинно православной психологии» (1996. С. 24). Предлагаю как-нибудь обсудить эту тему. Она актуальна, ибо распространено мнение, что Православие — это нечто скучное, унылое. Не на пустом месте это появилось. Почитайте, что Н. А. Бердяев писал о монашестве («Дух и реальность», «О назначении человека»). А В. Розанов или А. Скабичевский? Последний считал, что аскетизм — психическая болезнь (Скабичевский, 1900), а Розанов так и выложил: «Монастырь — это длинная мантия гроба» (цит. по: Киприан (Керн), 1996. С. 131–132). Надо развенчать эти мифы.

Писал архим. Киприан и о христианском творчестве в созидаании культуры, жизни. О том, что сам Спаситель свидетельствует: «Отец Мой доныне делает, и я делаю» (Ин. 5, 17), указывая тем, что в этом созидательном действии Бога может и должен соучаствовать человек-творец. Но сегодня мы являемся свидетелями того, что под творчеством повсеместно понимается «радость разрушения». Ну, прямо по Бакунину! Опять же, Бердяевское понимание свободного творчества заводит в глубокие дебри.

В чем разница между платоновским пониманием любви и христианским? Архим. Киприан (Керн) отвечал на этот вопрос по паламистски: для Сократа любовь предполагает обладание и вожделение объекта любви, причем вожделение только тогда и появляется, пока нет обладания. Если встать на линию Платона, то в Святой Троице любовь должна бы уничтожиться от факта вечного обладания. Но это не так. Почитайте о Троице у св. Григория Паламы в XI беседе на Честной Крест (1993. С. 105–120).

Также требуют тщательного критического переосмысления работы И. И. Ильина с его гегельянством, Б. П. Вышеславцева с его оккультизмом, прот. Сергия Булгакова с его софиологией. Эта работа уже ведется.

Кстати, в этом году, 13 сентября, минуло столетие со дня рождения протопресвитера А. Шмемана, ученика архим. Киприана (Керна). Кроме работ по истории Церкви и литургии-

ки, он много писал о человеке. Например, в беседах на радио «Свобода» о русской культуре (1970–71) он замечает, когда пишет о А. Чехове, что «вера несомненно нужна, а целостное мировоззрение, по-моему, совсем не нужно, и оно, по-моему, меняется от завтрака до обеда. На свете было бы гораздо легче жить, если бы в нем было меньше целостных идеологий, мировоззрений, всего того, из-за чего люди так часто мучают друг друга» (Шмеман, 2017. С. 383). Может, это о нас? Господь творит тварь целиком, единым актом творения, а мы мечтаем самостоятельно построить целостное мировоззрение по частям при помощи логики. Логика у нас соединяет части, а не Творец. Творца заменяет авторитет науки. Может, это Шмеман имел в виду?

Считается, что трагедия русской эмиграции в том, что лучшие представители дореволюционной России были удалены из живой ткани своей национальной культуры, которую ничем не заменишь, от живого общения с Родиной. В основном речь идет о тоске по Родине, о ностальгии.

Да, действительно, лишение родины для мирянина обычно переживается как пребывание в небытии, в пустоте. Даже при вынужденной «самоизоляции», находясь на родной земле мы переживаем нечто подобное.

И все же тоска по земному отечеству не должна затмевать тоски по Отечеству Небесному. Следуя Евангелию и Апостолу, архим. Софроний (Сахаров) учит, что не может спастись тот, кто не преодолеет в себе национальность (Духовные беседы. 2, 4). Подобного мнения придерживался и архим. Киприан (Керн).

И еще о целостном подходе. Наш аналитический ум не видит связи между литургикой и антропологией, а, между тем, Церковь — это тело Христово. Архим. Киприан (Керн) в работе «Тема о человеке и современность» называл литургию жизненной философией Православия (1948. С. 126). Мы же недоумеваем: как это, ведь литургия — это одно, а жизнь — это совсем другое? Но если каждый христианин не будет воцерковлять жизнь, то на литургии будет то же, что в миру.

Церковь потому и устояла, что «развивалась из самой себя», писал В. Зеньковский в «Апологетике» (2004. С. 305), то есть, она держалась и держится на якоре, заброшенном на Небо.

Итак, выделенные мной работы являются большим подспорьем в критическом переосмыслении современности, того, что современная наука, не обращаясь к сфере духовной, к Церкви не способна разрешить насущные проблемы жизни. Но все темы, здесь затронутые, нужно еще «довести до ума». Жнивья много, а работников мало. Призываю всех к сотрудничеству. И хотя избыточествует среди нас разногласие, чтобы выявились наискуснейшие, скажем: «единомыслие исповемы»!

Литература

Антоневич А. В. Православная антропология Русского Зарубежья: прот. Василий Зеньковский и архим. Киприан (Керн). СПб.: ЦХПА, ООО «Контраст», 2021. 192 с.

Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 538 с.

/Григорий Палама свт./. Беседы (омилии) святителя Григория Паламы. Часть 1. Перевел с греч. архим. Амвросий (Погодин). М.: Паломник, 1993.

Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих / Пер., послесл. и ком. В. Вениаминова. М.: Канон, 1995. 384 с.

Ермишин О. Т. Василий Зеньковский. СПб.: Наука, 217. 250 с.

Зеньковский В. В. Принцип индивидуальности в психологии и педагогике // Вопросы философии и психологии. **1911**. № 108. С. 369–393.

Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, **1993**. 224 с.

Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Канон+, **1997**. 560 с.

Зеньковский В. В. прот. Апологетика. М., 2004. 543 с.

Зеньковский В. В. Введение в систему философии Православия (Из архивного наследия) // Его же: Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русский путь, 2011. С. 7–209.

Игнатий (Брянчанинов) свт. Сети миродержца // Его же. Полное собрание творений. Т. 1. М., 2001. С. 363–368.

Киприан (Керн) архим. Тема о человеке и современность // Православная мысль. Вып. 6. Париж, 1948, с. 125–139.

Киприан (Керн) архим. Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. 449 с.

Киприан (Керн) архим. Восхождение к Фаворскому свету. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

Кирилл (Зинковский) иером. Великие отцы Церкви о материи и теле человека (Александрийская и каппадокийская школы). СПб.: Изд. Олега Обышко, 2014. 512 с.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 2000, № 25–26.

Русское Зарубежье и славянский мир. Сборник трудов. Белград, 2013. 595 с.

Скабичевский А. М. Аскетические недуги в нашей современной передовой интеллигенции (по поводу трех женских романов) // Русская мысль. 1900. № 10. С. 19–37.

Софроний (Сахаров) архим. Духовные беседы. Т. 1. М.: Паломникъ, Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003.

Шмеман А. прот. Основы русской культуры. М., 2017.